

К вопросу о термине «республиканцы» в современной историографии Поздней римской республики

А. Н. Токарев

*Автор статьи подчеркивает некорректность использования термина «республиканцы», который является изобретением современной историографии, для обозначения знатных римлян, именовавшихся в источниках «оптиматами» или «помпеянцами». В действительности, эта группа римской знати боролась за сохранение власти сената. Римское же понятие *res publica* не имеет никакого отношения к республиканской форме правления, а обозначает «государство», кроме того в политической агитации оно использовалось противоположными сторонами как лозунг для легитимации своих интересов.*

Ключевые слова: «республиканцы», *res publica*, «помпеянцы», Поздняя римская республика.

Борьба за власть, вспыхнувшая с новой силой в Риме в 40-е и 30-е гг. I в. до н. э., уже долгое время привлекает внимание многочисленных исследователей. Однако, не смотря на значительное число научных работ, посвященных этой эпохе, введение в научный оборот новых источников, появление новых подходов и интерпретаций известных уже фактов, в историографии продолжают встречаться устаревшие шаблоны. Одним из наиболее популярных является утверждение, согласно которому противниками Г. Юлия Цезаря и его последователей были так называемые «республиканцы». Эта точка зрения берет свое начало еще в трудах знаменитых деятелей Просвещения (Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо), которые противопоставляли «монархизму» Цезаря «республиканизм» Брута с его стремлением к равноправию, свободе и закону.

Идеи просветителей оказали большое влияние на историков XIX–XX вв., в чьих работах проявилась своеобразная черно-белая картина, в рамках которой понятие «республиканцы» стало употребляться как обозначение сторонников «республиканского» строя в противовес Цезарю с его якобы монархическими устремлениями. В результате, этот термин настолько укоренился в современных работах, что некоторые ученые полагают, что он сам по себе вполне самодостаточен и от него можно отталкиваться в дальнейших трактовках событий или поступков римских политиков.

Многие историки безапелляционно заявляют о некоем моральном превосходстве «республиканцев» перед своими политическими противниками. Это в первую очередь касается характеристики политических противников Г. Юлия Цезаря. Так, Н. А. Машкин видел в Марке Порции Катоне «непрактичного, не всегда дальновидного, но честного и последовательного республиканца, не пожелавшего прибегнуть к милосердию Цезаря». Его добровольная смерть,

по мнению ученого, была прямым укором для диктатора. Как результат, Катон стал мучеником за свободу [4, с. 107]. Так же характеризует Марка Катона и А. Б. Егоров [3, с. 291-292]. Те же штампы использует и Я. Ю. Межеричкий. Он называет Марка Катона «последним республиканцем» [5, с. 118]. Кроме того, у него встречаются весьма неоднозначные заявления, как например: «вожди сенатской олигархии или более широкие круги “республиканцев”, идеологом которых был Цицерон и даже цезарианец Саллюстий» или «аристократы-“республиканцы” противники Марка Антония» [5, с. 121]. Более взвешенные оценки можно найти у В. О. Никишина, который, вслед за Д. В. Панченко [8, с. 75–77], обращает внимание на то, что Катон, будучи убежденным консерватором, сплошь и рядом нарушал установившиеся традиции и неписанные нормы, его демонстративное поведение носило философский подтекст, имевший греческие корни [7, с. 125–131]. Но не в силах отказаться от устаревших шаблонов, ученый именует его все тем же «последним республиканцем», поведение которого соответствовало убеждениям римского патриота и традиционалиста [7, с. 133].

По мнению Т. Моммзена, Гней Помпей, хотя и стремился быть властелином Рима, при этом являлся «честным республиканцем» [6, с. 166]. В тех же словах о Помпее говорит и С. Л. Утченко. Он отмечает его республиканизм и лояльность к Республике [11, с. 48-50; 12, с. 84-85].

Российский исследователь Н. А. Белозеров представляет Цицерона как политика-идеалиста: «Власть ему нужна не сама по себе, а для исполнения своего долга перед отечеством. Он – “республиканец”, но не в смысле сторонника сенатской республики. Для него республика не равнозначна какой-то конкретной политической форме, а, скорее, является некоей нравственной, социозитической категорией» [1, с. 97–105].

Те же оценки превалируют и в отношении младшего поколения – современников Октавиана и Марка Антония. Сторонников Гая Кассия Лонгина и Марка Брута называют «республиканцами», по сути, все современные исследователи. Самый последний пример – монография 2015 года Р. Олстона «Римская революция» [15, р. 104].

В новой книге А. Б. Егоров именуется одним из лидеров «республиканцев» Секста Помпея, и даже «Октавиан выдерживал политический имидж “республиканца” в самом начале своей карьеры» [3, с. 203, 319].

В свою очередь, К. Галински приписывает «республиканцам», боровшимся с уже установившимся режимом Августа, стремление к неким особым идеалам. Причем он полагает, что эта оппозиция была столь сильна, что вынудила первого римского императора, создававшего режим личной власти, пойти на компромисс и объявить о «восстановлении Республики», под которым следует понимать программу возрождения традиционных «республиканских» ценностей и идеалов, в чем, по мнению самих римлян, якобы и заключались сила и мощь государства [18, р. 374].

Впрочем, некоторые исследователи на этом не останавливаются и идут дальше. Они даже (правда, не понятно, на чем основываясь) различают между собой помпеевцев и «республиканцев», приписывая последним некое нравственное превосходство и «благородство».

Так, об особой принципиальности «республиканцев» говорит В. С. Сергеев [7, с. 375]. Опираясь на эти соображения, Ю. Б. Циркин также противопоставляет

бывших помпеянцев «республиканцам» [13, с. 6]. В последних он видит людей, которые в своей деятельности руководствовались высокими идеалами. Они были несовременны, их взгляды утопичны, они не понимали духа времени, но их благородство признавалось даже противниками [14, с. 91]. В свою очередь, Р. Сайм приписывает слову «помпеянец» ослабленное значение термина «республиканец» [25, р. 317, note 5, 464, note 2]. Однако все же следует оговориться, что большинство современных ученых, как например А. Б. Егоров, не делает между ними никаких различий [3, с. 399]. Мало того, многие историки ставят знак равенства между понятиями «республиканцы» и «традиционалисты» [напр., 7, с. 133; 8, с. 75].

Термин «республиканцы», собственно говоря, действительно довольно четко коррелируется с понятием *res publica*. Но это понятие никогда не означало республиканского образа правления. Семантически *res publica* у римлян в большей или меньшей мере соответствовало понятию «государство» [см., 2, с. 25; 16, р. 299]. При этом *res publica* не была противоположностью автократической системе правительства принципата, ведь Цицерон принимает царскую власть (автократию) в качестве одного из положений своего идеального государственного устройства [см., 17, S. 247–281; 22, S. 1; 24, S. 56; 26, р. 100 sqq.].

Кроме того, следует указать на важный факт: сторонники сената вкладывали в это понятие вполне определенный смысл. Приведем один (из многих) пример. Цицерон пишет, что консул 61 г. до н. э. М. Пизон «совершенно не заботится о государстве [*res publica*], держится в стороне от оптиматов; от него не приходится ждать чего-либо хорошего для государства [*res publica*], ...зато его коллега... усердный защитник дела честных» (Cic., Att., I, 13, 2). В русском переводе В. О. Горенштейна картина довольно нелепа: консул (высший магистрат государства) не занимается государственными делами. А какими тогда? Мало того, «от него не приходится ждать ничего хорошего для государства». И все потому, что он держится в стороне от «наилучших». Противопоставлением этому является образ второго консула, Мессалы, но только потому, что он является усердным защитником интересов «оптиматов». Очевидно, что *res publica* была для них «общим делом», это дословный перевод, – но не «делом народа», а «делом лучших», то есть «оптиматов». Другими словами, *res publica* – это защита власти, доминирующего положения (в государстве) и интересов всех «оптиматов». И если они теряли свою власть, то это характеризовалось такими выражениями, как «*res publica amissa* (утраченная)», «*nulla* (отсутствие) *res publica*», «*res publica perdita* (потерянная)». При этом Цицерон говорит о потере *dignitas* и *libertas*, двух фундаментальных качеств, характеризующих положение римских аристократов в государстве. То есть для того, чтобы *res publica* существовала, необходимо условие, при котором лидеры «оптиматов» были бы окружены почетом и имели непосредственный доступ к управлению государством. Показательный факт, Цицерон, говоря о «восстановлении» *res publica*, использует выражение *rem publicam recipere*, а не *rem publicam restituere*, ведь глагол *recipere* имеет значение «опять получать», «возвращать себе», а *restituere* означает «восстанавливать, как было до того», «приводить в прежнее состояние» [10, с. 135].

Правда, нужно отметить, что многие ученые ссылаются на заявление Цицерона о том, что *res publica* – это дело народа, отсюда делая выводы, что

противники Цезаря сражались за республиканский образ правления. Впрочем, современные исследователи совершенно не обращают внимания на контекст. Цицерон действительно говорит, что «*rem publicam, id est rem populi*» (Cic., *De re pub.*, I, 48), но он передает точку зрения «популяров», которые выступали против власти «оптиматов». Политики, опиравшиеся в своей деятельности на народное собрание, также использовали лозунг «*rem publicam in libertatem vindicare*», что можно перевести как «освободить общее дело», что означало восстановление «свободы» плебса, передачу плебсу больших политических прав.

Таким образом, понятие *res publica* не является эквивалентом современного термина «республика», и может быть соотнесено как с «оптиматами» или «помпеяпцами», так и с «популярами», и даже с «цезарианцами».

Что касается ссылок современных историков, которые мы привели выше, на высокие моральные устои, принципиальность и стремление к неким идеалам так называемых «республиканцев», то эти суждения не выдерживают никакой критики. Как известно, Марк Катон оказался в лагере «помпеянцев», потому что был личным врагом Г. Юлия Цезаря. Его образ почти сразу после смерти был сильно беллетризован в результате публикации одноименных апологетических сочинений «Катон», написанных Цицероном и Марком Юнием Брутом. В итоге, перед нами предстает старинный римлянин, а не римский политик эпохи упадка [19, p. 53; 21, p. 3 sqq.]. Впрочем, его современник Саллюстий дает совсем другую характеристику: «Лишь ум Марка Катона, изворотливого, речистого, хитрого человека не вызывает у меня пренебрежения. Эти качества дают греческая образованность, однако доблести, бдительности и трудолюбия греки совершенно лишены» (Sall., *Epist.*, II, 9, пер. В. О. Горенштейна), а Плутарх и вовсе заявляет, что «людей испорченных и разнузданных, но любителей важных и суровых слов в насмешку звали Катонами» (Plut., *Cato Minor.*, 19, пер. С. П. Маркиша).

Марк Брут, как известно, был жестоким ростовщиком, взимавшим огромные проценты с должников (Cic. *Att.* V, 21). Это отнюдь не было древнеримской доблестью, достаточно вспомнить, что сенаторам было запрещено заниматься ростовщичеством.

Г. Кассий Лонгин стал заговорщиком из-за того, что Цезарь проигнорировал его политические амбиции. *Ambitio* осуждалось общественным римским мнением и противоречило «нравам предков».

Что касается других представителей «оптиматов», то им Саллюстий дает совершенно уничижительную, хотя и пристрастную, характеристику: «Прочие, кто составляет клику, – бездарнейшие знатные люди, о которых, как в надписи на могильном памятнике, к славному родовому имени и прибавить нечего» (Sall., *Epist.*, II, 9, пер. В. О. Горенштейна).

Рассуждая далее о стремлении «республиканцев» к идеалам и их желании подражать древнеримским нравам, следует сказать, что их действия на политическом поприще мало соответствуют тем идеальным образам, которые рисуют нам современные историки. На самом деле некоторые видные представители знатных семей во главу угла ставили свои личные амбиции либо ориентировались на семейные интересы и вполне могли радикально изменить свои политические предпочтения.

Так, например, как мы уже говорили, цезарианец Гай Кассий Лонгин стал заговорщиком из-за того, что Цезарь проигнорировал его политические амбиции (Plut., Brut., 8; Caes., 62). И наоборот, помпеянец Гай Курион-младший еще до начала противостояния Цезаря и Помпея посчитал более успешным «дело» Цезаря (Cic., Att., II, 8, 1; 12, 2; 18, 1; Fam., II, 5, 2; VIII, 4, 2). Его примеру последовал М. Целий Руф (Cic., Fam., VIII, 17, 1). Тит Лабий перешел на сторону тираноубийц из-за своих семейных связей (Cic., Att., VII, 12, 5; Plut., Caes., 34; Dio Cass., XLI, 4, 3). Тот же Публий Корнелий Долабелла, после убийства Юлия Цезаря, столь часто менял свои политические взгляды, что вверг этим Цицерона в полное замешательство (см., Cic., Att., XIV, 15, 2; 16, 2; XIV, 18, 1). Можно вспомнить и участие молодого Горация в битве при Филиппах, хотя это не помешало ему через 10 лет называть Октавиана вторым после Юпитера (Horat., Sat., I, 12, 19-20). Подобные примеры можно многократно умножить [подробн.: 20; 23].

В завершение нужно подчеркнуть, что на самом деле античные авторы ни разу не именуют «республиканцами» или «защитниками республики» приверженцев Помпея, убийц Цезаря и сторонников М. Брута и Г. Кассия. По словам Диона Кассия, сами себя они называли «οἱ ἐλευθερωταὶ τυραννοφόνοι τε... (освободители и тираноубийцы)» (Dio Cass., XLIV, 35); Цицерон также именует их *liberatores* и *tyrannoctoni* (Cic., Att., XIV, 6, 2; 12, 2; 15, 1; 21, 3; XVI, 15, 3; Brut., I, 16, 2; Phil., I, 6, 36; II, 31, 89, 114; X, 8; XIV, 12); Веллей Патеркул – *Pompeianis partes* (Vell. Pat., II, 62); Светоний – *optimates, causa optimatum, tyrannicidae* (Suet., Div. Aug., 10, 12; Tib., 4; Vita Lucani); Аппиан – *οἱ ἄριστοι* (лучшие), *οἱ δημοκρατικοί* (противники тирании), *οἱ τυραννοκτόνοι* (тираноубийцы), *οἱ Πομπηϊανοί* (помпеянцы) (App., B. C., II, 121, 122, 127, 131, 137, 140; III, 4, 6, 82, 87; IV, 36, 69, 94); Плутарх – *οἱ ἄριστοι* (Plut., Brut., 12); эпитоматор Ливия – *Pompeianae partes* (Liv., Epit., 127).

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что ученые часто используют вместо термина «помпеянцы» понятие «республиканцы», которое на самом деле является изобретением современной историографии. Действительно, эта группа римской знати боролась за сохранение власти сената. Римское же понятие *res publica* не имеет никакого отношения к республиканской форме правления, а обозначает «государство», кроме того в политической агитации оно использовалось противоположными сторонами как лозунг для легитимации своих интересов. Поэтому использование термина «республиканцы» ведет только к дальнейшей путанице и к неправильному пониманию намерений и конечных целей, которые ставили перед собой некоторые политические деятели. По сути, противника «помпеянцев», заявлявшего о намерении восстановить *res publica*, почти всегда рассматривают как «нечестного политика», шедшего на заведомый обман, хотя в условиях Поздней республики для его современников это имело вполне определенный смысл и логику.

Примечания

1. Белозеров Н. А. О соотношении политических лозунгов Цицерона и его практической деятельности / Н. А. Белозеров // Античность и средневековье Европы. – Пермь, 1994. – С. 97–105.

2. Дементьева В. В. Категория «государство» и римская республика: к вопросу о понятийной асинхронности / В. В. Дементьева // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова. – Нижний Новгород, 2004. – С. 24–26.
3. Егоров А. Б. Юлий Цезарь. Политическая биография / А. Б. Егоров. – СПб., 2014. – 548 с.
4. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 686 с.
5. Межерицкий Я. Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я. Ю. Межерицкий. – М.; Калуга, 1994. – 442 с.
6. Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен. – М., 2002. – Т. 3. – 655 с.
7. Никишин В. О. Катон Утический: хранитель устоев и нарушитель традиций / В. О. Никишин // *Studia historica*. – М., 2008. – Вып. 8. – С. 123–138.
8. Панченко Д. В. Римские моралисты и имморалисты на исходе Республики / Д. В. Панченко // *Человек и культура*. – М., 1990. – С. 73–80.
9. Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима / В. С. Сергеев. – М., 1938 – Ч. 1. – 370 с.
10. Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата Императора Августа / А. Н. Токарев. – Харьков, 2011. – 280 с.
11. Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики / С. Л. Утченко. – М., 1965. – 288 с.
12. Утченко С. Л. Юлий Цезарь / С. Л. Утченко. – М., 1976. – 365 с.
13. Циркин Ю. Б. Предисловие / Ю. Б. Циркин // *Античные и раннесредневековые источники по истории Испании*. – СПб., 2006. – С. 3–14.
14. Циркин Ю. Б. Гражданские войны в Риме. Победенные / Ю. Б. Циркин. – СПб., 2006. – 314 с.
15. Alston R. Rome's Revolution. Death of the Republic and Birth of the Empire / R. Alston. – Oxf., 2015. – 385 p.
16. Brunt P. A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays / P. A. Brunt. – Oxf., 1988. – 550 p.
17. Drexler H. Res publica / H. Drexler // *Maia*. – 1957. – Vol. 9. – S. 247–281.
18. Galinsky K. Augustan Culture: An Interpretive Introduction / K. Galinsky. – Princeton, 1996. – 474 p.
19. Gruen E. The Last Generation of the Roman Republic / E. Gruen. – Berkeley, 1995. – 596 p.
20. Lacey W. K. Boni atque improbi / W. K. Lacey // *G&R*. – 1970. – Vol. 17. – № 1. – P. 3–16.
21. MacMullen R., Enemies of the Roman Order / R. MacMullen. – Camb., 1966. – 370 p.
22. Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik / Ch. Meier. – Wiesbaden, 1988. – 332 S.
23. Shackleton-Bailey D. R. The Roman Nobility in the Second Civil War / D. R. Shackleton-Bailey // *CQ*. – 1960. – Vol. 10. – P. 253–267.
24. Stark R. Res publica / R. Stark // *Römische Wertbegriffe*. – Darmstadt, 1967. – S. 42–110.
25. Syme R. The Roman Revolution / R. Syme. – Oxf., 1939. – 568 p.
26. Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate / Ch. Wirszubski. – Camb.; N.-Y., 1950. – 186 p.

Токарев А. М. До питання про термін «республіканці» у сучасній історіографії Пізньої римської республіки.

Автор статті підкреслює некоректність використання терміна «республіканці», який є винаходом сучасної історіографії, для позначення знатних римлян, яких античні джерела іменували «оптіматами» або «помпеянцями». Насправді, ця група римської знаті боролася за збереження влади сенату. Римське ж поняття *res publica* не має жодного відношення до республіканської форми правління, а означає «держава», крім того в політичній агітації воно використовувалося протилежними сторонами як гасло для легітимації своїх інтересів.

Ключові слова: «республіканці», *res publica*, «помпеянці», Пізня римська республіка.

Tokarev A. N. To the Question on the Term «Republicans» in the Modern Historiography of the Late Roman Republic.

The author underlines an incorrect use of the term «Republicans» which is the invention of a modern historiography, for a designation of the notable Romans who in sources were named *optimates* or the *Pompeianes*. Actually, this group of the Roman nobility struggled for preservation of the senate power. The Roman *res publica* has no relation to the republican form of government, and designates «state», besides in political propaganda it was used by the opposite sides as the slogan for legitimation their interests.

Keywords: «the Republicans», *res publica*, «the Pompeians», Late Roman republic.